

АЛЕКСАНДР ОЖИГАНОВ

Ц И Р К

I

Как безнадежно огрубела
 Душа, и тяжело глазами
 Глядеть на розовое тело,
 Стремящееся к небесам!

Оркестр над головой грохочет.
 И пот артистов ломовых
 Дрожит под куполом, щекочет
 И дразнит зайцев цветных.

Там, наверху, в неразберихе
 Тросов, трапещий — серебром
 Горит летящий, но тихий
 Атлет с развернутым бедром.

Бесцельным маятником реет,
 Повиснув на одних зубах...
 И кто внизу из тех успеет
 Раздернуть ворот у рубах.

Когда он ангелом летящим
 Сверкнет под самым потолком
 И вдруг окажется лядящим
 Сухим московским мужиком?

2

У облезлых медведей от черного хлеба понос.
 Укротитель беспалый вспоминает улыбку Попова.
 И у ног акробата валяется свернутый трос,
 Побелевший брезент покрывает его, как понона.

Может, жилам стальным и тянуть бы теперь канитель
 Под ужимки, прыжки, под прыжки и ужимки ковёрных?
 К циркачам в ресторане, качаясь, бежит метрдотель,
 Отражаясь пузатым болванчиком в рамках ликёрных.

Не подробностей, нет! — только смены просит душа.
 Только праздные руки, как на тренировках потеют.
 Циркачи не имеют в своих кошелках на шина.
 Вообще циркачи за столом ничего не умеют.

В побелевших глазах, округленных от крымских красот,
 Отражается блеск вологодских больших колоколен.
 И вздыхает конглер, разрезая сухой антрекот,
 И беспальный медведь говорит, что салат недосолен...

Только вечером свет собирается плотным пятном,
 Отражаясь вверху барабанным торжественным треском,
 И вступает оркестр, и возносится ввысь!.. И потом
 Открывается то, что, как ангел, скрывалось за блеском.

КУПЛЕТЫ ПЬЕРО

Ура! Простор для кукольной игры!
 Раскрашены поблекшие пороки,
 И сто чертей на кончике иглы
 По-прежнему чертовски одиноки.

Пусть чудеса — за каменной стеной!
 Но мне сказал приятель Буратино:
 "Все происходит в плоскости одной —
 По действию — из старого сатина!"

Художник нарисует облака.
 И шагом марш под тряпкой небосвода.
 Кривляться, петить и дергаться, пока
 Не онемеют пальцы кукловода!

Пусть чудеса — за каменной стеной!

Но мне сказал приятель Буратино:
 "Все происходит в плоскости одной —
 По действию — из старого сатина!"

Широкая холодная река
 В барашках от невидимого ветра.
 Любимая, дорога далека
 На полотне длиной в четыре метра!

Пусть чудеса — за каменной стеной!
 Но мне сказал приятель Буратино:
 "Все происходит в плоскости одной —
 По действию — из старого сатина!"

Меня сечет сентябрьская гроза,
 Ломает череп молнии корона,
 Мне кажется, что нарисован зал
 И вырезаны кресла из картона!

Пусть чудеса — за каменной стеной.
 Но мне сказал приятель Буратино:
 "Все происходит в плоскости одной —
 По действию — из старого сатина!"

Как ни пугает зал злодейский бас,
 Как в темноте ни плачет мальчик робкий, —
 Лысеющий директор Карабас
 Всех убирает в серые коробки!

Пусть чудеса — за каменной стеной!
 Но мне сказал приятель Буратино:
 "Все происходит в плоскости одной —
 По действию Пьеро верна Мальвина!"

Все происходит в плоскости одной
 Из тряпки, из бревна, из пластилина!

В О К З А Л

Вокзал, переполненный, как товарняк
 Дровами, льдами, подонками,
 Мешками у выцветших глаз обмяк
 И заскрежетал под окнами
 Лопатами, режущими нарост
 На рельсах, зубами, бублики
 Грызущими, противнями корост
 Цыган, на глазах у публики
 Азартно срывающих и чулки
 И шали, по кровь обшаренных,
 Дыханием табора под потолки:
 Животным, прокисшим, жареным! —

Вокзал, перекошенный, как щека,
 Раздутая флюсом, — призраком
 Промерзшего поезда, рассекал
 Толпу и делил по признакам
 Чернильной шинелью, бугром плеча
 И плачем детей — "направо ли?" —
 И валят опять по лицу луча,
 Туда ли, сюда ли направили!..

Не это ли родина и семья,
 Любовь на лезу предсмертного
 Хрипенья январского соловья
 И ужаса предрассветного?
 Взлетай же и бейся о потолок
 За лострой сырая звонница,
 Пока не ударит в толпу звонок
 И локомотив не тронется!

х х х

Молодая Магдалина
 Наконец-то ошалела
 Ничего не пожалела.
 Все что было — отдала!

И, покачиваясь тихо,
 Тихо смотрит Магдалина,
 Как летает паутина
 От угла и до угла...

И уголочке паучиха
 Закусила науками
 И следит семью глазами
 За свечою из угла.

Так плетет легко и длинно
 Паутину паучиха
 И, покачиваясь тихо,
 Тихо трогает канву...

Я люблю ту и другую:
 Молодую и сухую,
 Семиглазую.
 Никогда не назову —
 Ни одну! — заразою.

х х х

Снова судьба меня лизнула
 Своим шершавым языком,
 Как будто девка подмигнула
 И повертела каблучком,
 Как будто кто-то оглянулся
 В толпе, до этого сплошной,
 И взглядом медленно коснулся
 Меня... Как будто я проснулся
 В постели с женщиной одной.

Но благодарность запоздала,
 Как будто в свете ночника

Босая женщина стояла
И неприязненно ласкала
Ее плечо моя рука.

СТАТУЕ ЛЕТНЕГО САДА

Среди сухих бледнозеленых трав
В сыром саду, должно быть, я умру,
Как сумасшедший, горестно прижав
Перед рассветом к серому бедру.

От ожиревших кротких голубей
До шпильей золотых и черных труб
Весь город, как родник, с ладони ней
Или плесни на потемневший труп.

Пусть потечет гранитная вода
С твоей нелепо поднятой руки
По опустевшей площади, когда
У медных лент увянут уголки.

О, пусть вберет холодная рука
Летучее тепло души живой
Так же легко, как эти облака
Над осторожно стынущей Невой!

Дыши! Живи! Здесь улицы прямы.
Здесь жметесь жизнь между широких плит.
Здесь застывал в предчувствии зимы
На трепетных глазах сирой гранит.

1967

х х х

Я проснулся, сидит на карнизе ворона.
Третий час. Я искусан клопами и слаб.
Гай Светоний Транквили о позоре Нерона
Повествует. Ему бы, советнику
рыться в архивах лениво
И писать о блудницах. Но он не ленат.

Я спускаюсь в столовую, скверное пиво
Пью, поморщившись, и ковирую салат.

Кто обрадует слабое сердце, Светоний?
Нужен отдых глазам и покой голове.
Черенки на пирах! И вот так же — с ладони —
Через тысячу лет будет пить человек.
О холодный родник! Невозможно быть хитрым
Адвокатом и храбрым солдатом... Плебей
И патриций мечтают описывать мгры
Древнегреческих и петербургских детей.

Приводить на площадку песочную сына:
"Жил один император и звался Нерон..."
Чем прельстила тебя сумасбродка Сабина?
Избегай, избегай императорских жен!
Честь и почесть, историк, несоизмеримы.
Вижу меду покрывшихся пылью наград
Небольшую усадьбу у самого Рима,
Семь кустов винограда и маленький сад.

1968

У Т О П И Я - 2

I

"Куда ж нам плыть?"

Сырое небо пачкает траву,
На цыпочках привстав, стираю капли
дождя и затикаю паклей
в прогнивших сферах трещины и дыры...

Где командиры,
учителя, начальники?
Их нет.

Я сам себе колхоз и председатель.
Опять сентябрь грозит неурожаем.
Но мне уже ничто не угрожает.
Я потребитель, я же и создатель
материальных благ.

Я сам большой,
на ципочки привстав, латаю крышу
и ставлю таз на мокрую траву
в отдельной кухне кооперативной
квартиры мира.

И не поплыву!
Куда ж мне плыть?
Скрипенье сфер я слышу.
Но на гвозде висит простая лира:
ей никогда не стать оперативной.

2

"Люблю отчизну я, но странною
любовью..."

Я наконец создал себе уют:
тарелки поместил на подоконник
и сел, смахнув
с клеенки дохлых мух,
на табурет, как древнерусский конник.

Еще не оперился вороной —
Стоит в конюшне.
Я же бью баклуши
на краешке стола. И — ничего!
Иной, возможно, бьет баклуши лучше.

Что из того?
ведь на моем заду
собаки не висят, визжа,
тем паче —
я силю за четверых и ем за двух.
И пусть соратник со сноровкой скачет,
треща, как соловей, туда-сюда!..
Мне некуда скакать.
Поют сирены.
На острове моем стоит вода
в простом стакане.

Подняв к лицу игрушечную грудь,

пою полулягушки.
 Военный тенор скачет на орду.
 Орда стоит, почесывая ляжки.

Здесь у меня налаженный уют.
 К тому же нет ни шлема, ни фуражки.
 И пусть мне эти птички не поют!
 Бедняжки — незавидные подружки.

Я выловлю штаны, как Робинзон,
 и буду надевать их по субботам
 на острое моем за табльдотом,
 и мне не нужен будет керосин.

На острове моем не будет зон,
 кроме естественных — наверх:
 лафа шлотам!

На острове и раб, и господин,
 и каннибал, и вегетарианец
 танцует танец!
 Шивы — я один

на острове своем. Рукам,
 пожалуй, тесновато. Терпнут ноги...
 Здесь науки висят, как осьминоги,
 Но я люблю (за что? — не знаю сам)

свой шаткий табурет,
 стакан с водой,
 клеенку, всю отчеркнутую ногтем...
 И пусть другой тягается с ордой!
 Вот здесь моя Утопия — под локтем.

1970

х х х

Студенистое тело зимы
 Кольхалось гигантской амобой.
 Что случилось, что сделали мы,
 Что на стенках стеклянной тюрьмы
 Крут осадок сухие микробы?

Мы гадали по белым снегам
Упиваясь дыханием смерти,
Замечая по мертвым следам,
Что не химия властвует там,
А химичат и бесятся черти.

Это наши следы на следах
Органических соединений
Беспокоят бесформенный прах
В призмах, конусах, колбах, кубах,
В бесконечных цепях уравнений.

Нам такое никто не простит.
Только мы и не просим прощенья.
Замечательный холод стоит!
И в стеклянном аду инвалид
Содрогается от отвращенья.

1973

х х х

Помело или велосипед?
Сельский куб на горе или Брокен?
Фауст или затканный шкет,
Помешавшийся от сигарет,
Молока и картофеля, бремен?

Философию по боку враз!
Все и вправду смешалось у нас,
Как октябрьские пестрые листья,
Начиная смешением рас
И кончая смешением истин.

Я деревья пылю и колю,
Наклоняясь перед бронзовым диском.
Тролли по вечерам: "Уля-ля!.."
Только девочку-жизнь я люблю,
А целуюсь с велосипедисткой.

А над озером белый косяк
Голосит в конце Хуренито.

И разъятый цветной Пастернак
Отступает спиной во мрак
За надгробные финские плиты.

Ничего не случится со мной.
Я найду голубые истоки,
Искушаюсь в воде ледяной
И когда-нибудь - ранней весной! -
Встречу вас фьордами, фьоркен.

1973

х х х

Жизнь - безнадежно глупая затея.
Но разгадай секрет ее игры -
И окивет - свежа, как Галатея,
Держащая воздушные шары.

И жалко: отпускать их, и нельзя же
Держать их без конца над головой!
Жизнь по щелкам зардевшимся размакет
И слезы и восторг, и трепет твой.

Прощай, зеленый, желтый, голубой!..
Сверкающее радугой мгновенье,
Я твой полет, а не исчезновение
Уравновесил тягостной судьбой.

Рви, пустота, воздушные шары!
Лепя цветной зародыш небосклона,
Перерастает правила игры
Самозабвенный труд Пигмалиона.

1972

х х х

Что "здравствуй", что "прощай" произнести,
Что выпросить портрет или полтину -
Не выдумавшь, как себя снести:
Рубаху расстегни и ляг на спину.

И паруса таинственная тень —
Хранительница розовых улыбок —
Подарит упоительную лень,
Стремительную лень летучих рыбок!

Не двигайся — лети, едва-едва
Связав дугой единственной капризной
Разреженную тяжесть мастерства
С опасной, но играющей отчиной!..

Необходимо только так лететь —
Не задохнуться бы, не ошибиться:
Задолго до того, как умереть,
В родную глубину чтоб возвратиться!

1972

х х х

Но прежде чем летать — научись терпеть.
Научись сидеть на стуле неподвижно.
Задолго до того, как научиться петь,
Научись писать — натянуто и книжно.

Твой первый поцелуй пресыщенность открыл.
Любимые глаза тускнеют как у трупа.
Задолго до заря, до прорастанья крыл
Научись терпеть и улыбаться туно.

Задолго до того, как становиться в строй,
Научись в толпе бродить так одиноко,
Как будто ты один — любовник и герой —
На гибель обречен безвинно и до срока.

И прежде чем часы пробьют последний час,
До пеня, до любви, до судорог — граница
Начала и конца предстанет без прикрас.
Ты до смерти скучать успеешь научиться.

1973

Устал сплетать и расплетать
 Судьбы раздерганную нитку.
 Мне так хотелось бы летать!
 Я даже делаю попытку...

Как подкупает высота
 Одной возможностью паденья!
 И скрыты контуры листа
 В прдленном отзвуке мгновенья,

Как осиянный акробат,
 Я наклоняюсь над закатом...
 А за моей спиной солдат
 Стоит с тяжелым автоматом.

Его неизблемый Устав
 Суть воплощенная беспечность.
 Лишь ускорение придав
 Мгисвенью, обретаешь вечность.

Июль, 1972
 Вологда,
 гарнизонная гауптвахта

Р О Д И Н А

Со звездочкой сирени на губах
 Ты смотришь сквозь чугунную ограду
 Расплывчатый и беспричинный страх,
 Как будто получил тебя в награду
 За то, что побывал на облаках.

А милицейский катер прокричал,
 Как детская игрушка под ногами,
 И серый Эрмитаж опять встречал,
 Как не встречает одичавший камень.
 И, посмотрев на маленький причал,

Я разглядел затылок мертвеца,
 Раздувающуюся, в бурых пятнах спину,
 Увидел, как матрос на два конца
 Тянул канат, а труп, наполовину
 Раздетый, не хотел казать лица...

Прошедшая футбольная игра
 Перед глазами все еще пестрела.
 Сегодня перепуталось с вчера,
 И медленно всплывало чье-то тело,
 И опоздавший говорил: "Пора!.."

Пора соснуть хотя бы на часок
 Под порохи предутренних моторов
 И под неторопливый говорок
 До пояса раздетых полостеров.
 Но памяти причудливый виток

Скользит по исчезающим лучам
 На каменные лестничные плиты
 К озябшим и раздвинутым ногам...
 "О собеседник скромный и сердитый,
 Так вот куда ты ходишь по ночам!"

- Неправда, нет!.. На каменных столбах,
 На мраморных колоннах Ленинграда
 Абстрактным завитком изваян страх.
 Ты сморрешь сквозь чугунную ограду
 Со звездочкой сирени на губах...

Приятель застает меня с утра
 Читаящим вчерашние газеты.
 С е г о д н я перепуталось с в ч е р а.
 Одна на берегах Невы и Леты
 Грибная и бесплотная пора.

И полчища ночных нетопырей:
 Любовников, бичей, солдат и пьяниц —
 К открытию пионерских лагерей
 Разучивают популярный танец.

Недолго и с ума сойти, ей-ей!..

Ты делишь на раба и на врага.
Но, как неудержимые признанья,
Перспектов нераспаханные га
С утра полным-полны иносказанья:
Прислушайся и приглядишься, бризга.

...Умыться бы! осталось полчаса
Сидения в хозчасти Эрмитажа.
Утихли полотеров голоса,
Незримо разошлась по залам стража.
И на небе открылась полоса

Рассвета... Что ж, распахивай, сажай
Пустые семена и сновиденья!
Я соберу обильный урожай,
Как ни бризжи и как ни угрожай
Пятиконечной звездочкой сирени.

х х х

Трагедия — не просто лишь беда
Непоправимая: свершилось и забыто,
Но то, что совершается всегда,
Ежеминутно и на редкость скрыто.

Трагично время: было, будет, есть.
Трагичен взгляд и вообще все чувства,
Которыми немислимо учесть
Трагического хохота искусства.

Трагичен человек. И тень его
Трагична. И трагично их различье.
И может быть, трагичнее всего —
Увериться в трагическом величье.

Великое воздушно, как пирог,
Ничем не стеснено, ни с чем не схоже...
Трагичен человек. Трагичен Бог.

Но не велик, о нет, избави боже!

1973

х х х

В.К.

Цветы и фрукты, гетевский каприз —
Короткий взгляд на землю: сверху вниз,
Садовник и садовница — сюрприз,
Открытие ночного карнавала...
Меж тем как Фауст учит монолог,
Подменный шут оттачивает слог
И нюхает цветы. Он хромоног.
И все же он — распорядитель бала.

Живой или искусственный цветок,
Герл иль Елены круглый локоток,
Грудь или яблоко, яйцо, глазной белок,
Плоть или призрак плоти — комья праха!
Маэстро избегает жестких норм,
Стандартизации и трафаретных форм.
Чернила или кровь? Теннмейстер хром.
И он кромсает все, не зная страха.

Шарахается пестрая толпа:
То влево падает, то валит вправо!
Маэстро щелкнет пальцами — тильлан,
Еще прищелкнет — сточная канава!
Танцуют! Еще как!.. Какие па
Выделявают! Рыцари! Орава!..
А за порогом — горная тропа...
Цветы и фрукты — чертова забава.

1974

Е С Т Ь

Есть одиночество без свойств. Есть пустота —
Условный центр сплошного урагана.
Есть полутораместная тахта,
Разрезавшая нас мечом Тристана.
Есть вымысли. Закономерность их.

Есть пустяки. Есть сын и завитушки.
 Есть ненаписанный или забытый стих
 Кого-то с Колымы или из Кушки.
 Есть ненависть. Есть робость, глухота.
 Накапливанье в центре урагана
 Лирических красот. Есть слепота
 Прозрения и зоркость графомана.
 И есть слова, слова, слова. Их смысл,
 Меняющийся от прикосновений,
 От толкотни, от сумасшедших гримз,
 Качающих пудовые колени...

Маньяк! — перечислять до хрипоты,
 До пограничных вышек — святил, что ли?!
 Все шарит в закоулках пустоты,
 Все гладит-прячет судорогу боли...

1974

Б А Р А К

Куда нас занесло, моя любовь?
 В глазах еще рябит от солнца
 Ночью.
 Качающийся свет разодран в клочья.
 Как снегом, занесло песком оконца.
 На балках кровь.

В пустом бараке ярусы из досок.
 Осыпаны соломенной трухой,
 Пометом
 И блевотиной сухой.
 Солома отдает мочой и потом.
 В углу кричит голодный недоносок.

Нас приютил соломенный барак,
 Где мой ребенок
 Просит молока,
 Где между грязных балок облака
 Повисли на веревках для пеленок,
 Где у дверей хихикает дурак.

Все пятеро (я всех пересчитал!)
 Вдоль озера плелись
 С шести утра,
 И хлопала на доньшке ведра
 Какая-то коричневая слизь,
 Которую дурак еще глотал.

Какой ценой дается нам еда
 С шести утра!..
 В заброшенном бараке
 На согнутых гвоздях висят баранки.
 Мы колем их посредством топора.
 Но это не беда.

Глаза не привыкают к темноте.
 И руки по соломе тихо
 Шарят.

"Спокойной ночи". — "Что?" — "Там что-то варят..."
 "Ты хочешь есть?" — "А ты?" — "Опять гречиха?"
 Нет, не хочу. Ступай-ка лучше к тем..."

Какая ночь! Очнись, моя любовь!..
 О чем ты говоришь со мной
 Впервые,
 Где тихие слова, как чаевые,
 Протянутые детской рукой...
 В случайной темноте не суесловь!

Опущен в темноту пустой барак,
 Где мой ребенок
 Просит молока,
 Где только балки вместо потолка,
 Где из прорех застиранных пеленок
 Кристаллы звезд сверкают кое-как.

Моя жена ногами шевелит
 И плача смотрит,
 Смотрит на огонь...
 Начало дня — смотри! — не проворонь:
 Мы будем выходить отсюда по три

В густых слезах, как стая Аонид.

2

Приливы, отливы, приливы...
Дождемся ли сна и зимы?
Так эти труды кропотливы,
Что в них затеряемся мы.

Сверкают огромные домны,
И льется по трубам бензин.
Так эти труды многотомны,
Что я до рассвета один.

И тает запас мой словарный,
И бабочки тают во тьме.
И так торопливо товарный
Состав приурочен к зиме,

Что не получивший оценок
Задолго повернут спиной.
Бедь так или этак застенки
Кончается просто: стеной.

3

Нас разбудил рабочий,
Отхаркиваясь, как
Подожки собак,
Он говорит: "Устроили бардак,
И в зеркало никто смотреть не хочет!"
Мы смотрим на него во все глаза.
И закричал спросонок
Мой ребенок,
Выпархивая из сырых пеленок,
И мать в сердцах дала ему раза.

Рабочий говорит: "С шести утра
Приступите к работе.

Подъемник на болоте.
 Пройдете по туннелю... там найдете!
 Потом тебя отправят на гора..."

Горизонтальный мир!
 Я лягу параллельно
 Тебе и буду счастлив беспредельно,
 Что приютит меня, как богодалвня,
 И сунешь головой в какой-нибудь сортир.

Прощай, моя любовь!
 Подъемник деревянный
 Шатается, как пьяный
 Жираф, и раздражается осанной,
 И ржавый рельс краснеет, как морковь.
 Зараза-проводник
 Хихикая козленком,
 Ушел назад с ребенком -
 Закручивая мозги другим подонкам.
 Оставил нас одних.

И шевеля ногами,
 Сидит моя жена:
 Сидит и смотрит на
 Пустое небо, где отражена
 Ее душа, обиженная нами.

4

"И ту бы.. и эту... и ту бы!.."
 Там, около каменных плит:
 "Дай поцеловать твои губы!"
 Пожарный оркестр говорит.

"Дай поцеловать твои губы!"
 Твои ли?! Там - около ста
 Так жадно сосут жизньелюбы,
 Что ты, как матрешка, пуста.

И - день!.. И не видно ни тени!

И у деревянных девиц
Ржавят, вращаясь, колени
В отверстиях вогнутых лиц!..

...Я не долетусь до ночлега.
Темно. И задача одна:
Дождаться глубокого снега,
Глубокого снега и сна.

5

Скамьи, столы, навес,
Зеленый чай...
В стеклянный лес
Со стенок зайцы дуют...
Передо мной рабочие сидят,
Не торопясь, горячий суп едят,
Молчат.
И все же — что-то мне диктует...

Стою балбес
Балбесом: ничего
Не понимаю из их голошенья...
Должно быть, это просто ультразвук.
И — молча — я киваю головой,
Киваю головой
Без выраженья.

Ощупывая свой
Мясистый нос,
Просовывает свой живот стряпуха
И торопливо ставит на поднос
Железный — все, что под руку пришлось:
Посуду, чей-то нос и четверть уха...

Нам чей-нибудь совет необходим.
Но кто позовет нас из-за дыма?..
В углу сидит угрюмый негодим.
"А ну-ка подожди... ведь это Клима!"
И, подойдя, я спрашиваю Клима:

"Как же ты, Клиим,
 Так влип?
 Извини меня за вопрос...
 У тебя же не нос, Клиим,
 У тебя же не нос, Клиим,
 У тебя же не нос,
 А — поллип!"

И вздыхает Климент: "Эх, Саша!
 В том-то и беда вся наша,
 Что не знаем, какова каша,
 Пока не расхлебаем!"

Кабы я в топору зорнул
 На десяток-другой формул,
 Жил бы я тогда по другому...
 А теперь полезай на платформу
 И ходи растебаем!

Мы попались в этот коровник!
 Видишь: каждый из нас любовник...
 В кто — в аккурат — виновник? —
 Толком-то и не знаем..."

И музыкой томим —
 Как бы во сне —
 Сидит сутулясь Клиим
 И плачет тихо.
 За зайцем заяц ходит по стене.
 И незаметно зеркало ко мне
 С улыбкой придвигает повариха...

6

Куда же нас занесло!
 Получит ли отдых тело?
 Дороги развезло.
 И яблоко перезрело...

Уходит во тьму лендишт.
 Кричат на болоте выш.
 Со мною на брудершт

Пытается кто-то выпить.
 Копает меня рукой,
 Как будто газон садовник...
 "Постойте... Вы кто такой?"
 - Я... Как его... твой Виновник..."

Мой?! Мой Виновник посередине
 Барака шатается, как на льдине
 Улыбка зияет на образине
 Его, уходя в пространство...
 Я узнаю его! Ну конечно!..
 Это его дурацкая внешность
 Занавешивала скворешню,
 Окаменевая в трансе.

Моя любовь, я узнал злодея:
 Это же он это все затеял!
 Он так устроил, что в темноте я,
 В грязи тебя обретаю...

Ох, гнусная у него привычка:
 Стоять над душой, покамест птичка,
 Свистя не снесет наконец яичко,
 Сказать: "Виноват... глотаю!"

В глазницах сверкает по светофору...
 Куда занесло нас об эту пору?
 Вот слоняет к черту, как помидору,
 Что я тогда буду делать?

А ты говоришь: "Успокойся, право!
 Хоть мне не по вкусу прихлась забава,
 Но если рассуждать здраво, -
 У меня ведь и нет тела..."

...Под озером плавает позеленевший ребенок,
 Не просит еды и не мочит пеленок:
 Сырой паучок - мой синючек!..
 Четырнадцать дочек -
 Медузочек, полу-девчонок...
 Их голос так тонок,
 Как будто - ничей!

Голосочек

Выводит не слышно:

"Не ставь нам, подонок, свечей!

Это — лишнее..."

Э П И Л О Г

На севере я сплю на раскладушке

И трогаю во сне

Угол подушки,

Прислушиваясь к возне

И музыке на пирушке,

Две девочки-кудрявые подружки —

Прчмокивая ртом,

Прячутся в стружки...

Над ними такой содом

Устраивают пьянчужки!

На севере я сплю в недоуменьи.

Надо мной тени

Играют.

И девочки становятся на колени

И шепотом предлагают:

"Открой-ка нам голову на затылке

И достань оттуда

Цыпленка!

Мы приготовим блюдо

Кобылке,

И она нам родит ребенка..."

Я птенца достаю двумя руками.

Но девочек смерть поражает.

А собака, обвязанная бинтами,

На месте птенца пожирает...

Я подойду к молодой кобылке,

Я скажу: "Ничего, бабенка!"

Притворюсь молодым и пыльным,

И она мне родит ребенка.

...Что мне спеть моему Андрюшке?
Песнь моя ему не помогает!..
На севере я слыю на раскладушке.
Оркестр играет.

МОЯ ЖЕНА НОГАМИ ШЕВЕЛИТ.
ЕЕ ДУШУ БЕРЕЖНО ХРАНИТ
ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ МИР, ХОР АОНИД
В КЛУМБАХ БЕСКРОВНЫХ.

ГЛУБОКИЙ СНЕГ. И БОЛЬШЕ НЕТ ОБИД.
И НЕТ ВИНОВНЫХ.

1967